

Н. Б. Граматчикова
**К. НОСИЛОВ. «НА НОВОЙ ЗЕМЛЕ»:
 САМООПИСАНИЕ ЭКСТРЕМАЛЬНОГО ОПЫТА**

doi: 10.30759/1728-9718-2019-4(65)-124-132

УДК 82-43

ББК 83.014.4

Цикл очерков К. Д. Носилова «На Новой Земле» (1903) написан по впечатлениям от трех зимовок на архипелаге и путешествий по низовьям Оби, отрефлексируемых 10, 15 и 20 лет спустя. К. Носилов фиксирует изменения восприятия человеком себя и окружения под влиянием разнообразных экстремальных факторов: бури, мороза, голода, цинги, полярной ночи, изолированности и др. Анализируется, каким образом пережитый автором опыт этих ситуаций сказывается на его понимании «жителей полярных стран»: как людей, так и животных. Все живое на севере, по К. Носилу, вырабатывает сходные механизмы адаптации и не имеет никаких гарантий сохранения жизни. Важным «побочным эффектом» опыта выживания становится вслушивание автора в истории безымянных женских персонажей очерков. Хотя в ходе зимовок К. Носилов проводил научные опыты и вел дневниковые записи, наиболее существенным литературным результатом пережитого на Новой Земле становится обретение им способности озвучить чужой опыт. Таковы биографический очерк «История одного самоеда» (1895) и прокомментированный Носиловым поморский дневник в «Истории одной полярной зимовки» (1913), где он выступает в роли соавтора, эмоционально и информационно дополняющего записи участника промысловой артели. Специфика носиловских текстов рассматривается на фоне этнографических очерков того и более раннего времени (С. Максимов «Год на Севере», П. Инфантьев «Полярный Робинзон» и др.).

Ключевые слова: *Новая Земля, ненцы, самоеды, цинга, зимовка, выживание, постколониализм, этнографический очерк*

И общей не уйдет судьбы...

Г. Державин

Понимание своеобразия текстов Константина Носилова (1858–1923), описывающих его опыт полярных зимовок, требует нескольких предварительных слов, позволяющих задать основные контексты рассмотрения цикла его новоземельских очерков: политический, литературно-биографический и этнографический.

Новая Земля имеет долгую историю освоения, в которой страницы путевых дневников (А. Шренка, К. Носилова, А. Борисова и др.) соседствуют с историями безвестно пропавших моряков. Крупнейший в Европейской Арктике архипелаг, покрытый арктической тундрой и полярными пустынями, тянется с севера на юг на протяжении почти 900 км. Русские в этих широтах веками сотрудничали и соперничали с норвежцами и голландцами. Попытки заселения архипелага резко активизировались во второй половине XIX в.: предполагалось, что заселение Новой Земли должно стать мощным аргументом в пользу реального, а не декларативного владения Россией этой территорией. Хотя некоторые поморы зимова-

ли на Новой Земле, климат, цинга и отсутствие поддержки «природных жителей» быстро пресекали попытки колонизации. В 1867 г. на Новой Земле остался зимовать ненец Фома Вылко с семьей, став первопоселенцем архипелага и старостой образовавшейся там через 10 лет колонии. В 1887 г. в Поморской губе пролива Маточкин Шар было основано новое становище, где и остался на зимовку член ИРГО К. Носилов, получивший задание регулярного проведения метеорологических наблюдений.¹

По сочетанию трех факторов: деятельной любви к Уралу, количеству «экскурсий» и литературной работоспособности — Константин Носилов был, возможно, непревзойденным автором рубежа XIX–XX вв. Он описал свои поездки в сотнях газетных публикаций, однако опыт пребывания на Новой Земле занимает особое место в его жизни и творчестве. Как

¹ Некоторые сохранившиеся дневники и документы К. Носилова опубликованы, см.: Охупкин Ю. Н. Зауральский странник. Материалы к биографии К. Д. Носилова. Екатеринбург, 2012. На страницах очерков Носилов-путешественник ретроспективно свидетельствует о своих намерениях запечатлеть услышанное в художественном слове: в беседах с самоедами он старался «запомнить рассказ, уловить те удачные выражения, ту простоту, которые были так трогательны, так хватали за душу». Носилов К. Д. На Новой Земле. СПб., 1903. С. 208. Здесь и далее цитаты из очерков К. Носилова приводятся в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации.

сотрудник Общества спасения на водах, Носилов занимался деятельностью, во многих отношениях пионерской для только зарождающейся полярной метеорологии,² в его планах были разработка медных и серебряных руд и добыча редких экспонатов для музеев.

Циклы очерков отдельными изданиями К. Носилов начал публиковать относительно поздно, после 40 лет. После сборников «В снегах» и «На охоте», изданных редакцией журнала «Детское чтение», книга «На Новой Земле» (1903) фактически стала дебютом автора как писателя «для взрослых». Тексты книги представляют собой разновременные этапы осмысления пережитого автором опыта: от более ранней «Истории одного самоеда» (1895) до логически связанной с циклом новоземельских очерков «Истории одной полярной зимовки» (1913).

Тема выживания на рубеже XIX–XX вв. имела своеобразную этнографическую окраску. XX в., с его непредставимым для XIX в. уровнем экстремального, обрушившегося на все население России и не только России, еще не начался. Предполагалось, что экстремальное и экзотическое локализованы на труднодоступной малонаселенной периферии страны, и лишь единицы, добравшиеся туда, могли поведать о них широкой публике. В этом отношении книга К. Носилова, обладавшего острой восприимчивостью и литературной одаренностью, оказалась невероятно актуальной. Фоном для прочтения некоторых очерков Носилова могут служить, например, главы о поморских промыслах «Года на Севере» С. Максимова (1859) и очерки И. Железнова «Уральцы» (1858). На Севере и на Юге спутниками, оттеняющими героизм поморов и казаков, становятся самоеды (ненцы) и киргизы (казахи), поразительно витальные и адаптивные, однако, не без корреляции с этим, стоящие для авторов на границе человеческого и животного.³ Автобиографические очерки К. Носилова стоят в ряду самоописаний собст-

венного экстремального опыта, существенным образом корректируя стереотипы восприятия Севера.

*Композиция книги:
от Рождества к Пасхе, от бури к цинге*

Композиция из 16 очерков разного объема предполагает продуманный автором маршрут знакомства читателя с материалом: от точки прибытия исследователя на архипелаг и частных путевых заметок через отражение наиболее сильных впечатлений («Таинственное из жизни самоедов», «Полярная буря», «Цинга», «Встреча солнца») к освоению опыта местных жителей. Композиция первой половины цикла следует привычному для XIX в. церковному и природному календарю — от Рождества к Пасхе, от зимних бурь к полярному лету: рождественские воспоминания (тяжелое ранение старика-самоеда) — святочный рассказ (цинга) — встреча солнца (влияние полярной ночи на человека) — Пасха — белые ночи (специфика летнего бодрствования) — летнее путешествие по тундре (чум умирающего старика-самоеда и барка обского рыбака) — полярная весна (кипение жизни в тундре). Движение по природным сезонам на Новой Земле есть и движение по сменяющим друг друга опасностям полярного края.⁴

Одним из центральных мотивов повествования у К. Носилова является смерть как быстрая и неминуемая плата за неосмотрительность и само дерзновение жить здесь; однако в название он выносит нейтральное «На Новой Земле», а не суггестивное «В стране холода и смерти», как позднее А. Борисов. К наиболее впечатляющим трудностям зимовок относятся полярные бури, цинга, голод и темнота полярной ночи. Холод в описаниях автора чаще выступает в роли сопутствующего фактора, становясь опасным лишь в случае «роковой недостачи» еды, дров, жилья и др.⁵ Вообще первое впечатление от Новой Земли в текстах К. Носилова связано с пустотой и тишиной: «Нет ничего, кроме льда, камня и снега»; «Ни звука, ни следа зверя, ни полета птицы по целым дням...»⁶

² Несмотря на это, известный историк Арктики В. Визе более чем скромно оценивает вклад К. Носилова в историю исследования Новой Земли: «Новую Землю несколько раз посетил путешественник К. Д. Носилов. Он зимовал на Новой Земле и пересек ее Южный Остров. Все результаты его путешествий ограничиваются, однако, только несколькими беллетристическими очерками». Визе В. Ю. Моря Российской Арктики. Очерки по истории исследования. М., 2008. Т. 1. С. 150.

³ Подробнее об этом см.: Граматчикова Н. Б. Жизнестойкость и адаптивность как мотивы повествования: от этнографии до семейной истории // Известия УрФУ. Сер. 3: Обществ. науки. 2016. № 3 (155), т. 11. С. 86–99.

⁴ Начав с описания личных впечатлений от первого знакомства с Новой Землей, максимально «чужую», полемичную позицию К. Носилов озвучивает в последнем, публицистическом очерке цикла с провокативно-интригующим названием «Наши людоеды».

⁵ Ср. внимание к новоземельским морозам в дневниках художника А. Борисова, пытающегося работать на пленэре замерзающими красками (подробнее об этом см.: Борисов А. В стране холода и смерти. СПб., 1909).

⁶ Носилов К. Д. Указ. соч. С. 8.

Камертон интонационного движения задает первый очерк, где К. Носилов с ретроспективной самоиронией описывает свое прибытие из-под египетских пальм «с большой отвагой и с самой беззаветной готовностью исследовать полярный остров», а также рвением зимовать «прямо в самоедском чуму, как можно ближе к той природе, чудеса которой так волновали мое воображение». ⁷ В результате только оптимизм Носилова-рассказчика позволяет назвать итог первого похода к Карскому морю «маленьким уроком осторожности»: «зимовщики» спасаются бегством, бросая вещи.

Следуя композиции очерков, рассмотрим основные, важные для автора сюжеты и обстоятельства приращения новоземельского опыта.

*«Мои проводники уже были
моими товарищами»⁸*

Для Константина Дмитриевича было свойственно устанавливать личные, дружеские отношения с людьми там, куда его забрасывала судьба. В первых книгах эта черта кажется естественной частью воспоминаний автора о детстве, но начиная с «Новой Земли» она становится одной из доминант художественной интонации Носилова-писателя, чье кредо — видеть в спутниках людей, а не представителей этноса. Выученный во время зимовок ненецкий язык напрямую влиял на глубину и непосредственность восприятия исследователем культуры самоедов (ненцев). То, что обычно отталкивает внешнего наблюдателя (специфический запах, «нечистота», своеобразие рациона), упоминается автором, в основном, в ситуациях передачи чужого восприятия (например, прихожан в Архангельске). ⁹ К. Носилов с воодушевлением примеряет местную обувь («в самоедских пимах из оленьих шкур <...> чувствуется так легко, что хочется подпрыгнуть») ¹⁰ и малицу, что резко противосто-

поставляет его предшественникам: этнограф С. Максимов оценивал малицу как «тяжелую, неловкую, безобразную», хотя и «страшно теплую», ¹¹ выводя самоедов за пределы «человеческого» («они песцов едят!»). К. Носилов вводит в текст опробованное им «походное меню» самоедов: «...Попадетса проездом ленивый тюлень на льдине — едим тюленя, налетит случайно на выстрел морская чайка — варим ее». ¹² Съедобность определяется обстоятельствами, как это видно из диалога о песцах с охотником: «Все равно, как собачина, так же пахнет...» — «Ты разве и собак пробовал?» — «На Новой Земле, брат, всего попробуешь; вот уже зимовать с нами будешь, так и тебе, может, придется попробовать». ¹³

Более того, путешественник развивает редкий для того времени мотив «обратного миссионерства», обаяния «поля». ¹⁴ Его приятели-самоеды увлечены мыслью «сделать его самоедом», дав попробовать свежее сырое мясо. ¹⁵ Сам К. Носилов белыми ночами переживает такое ощущение полноты жизни, что доходит до «диких мыслей»: «сделаться дикарем, жениться на самоедке», «есть сырое мясо и рыбу <...> молиться <...> петь, ни о чем не заботиться <...>, не враждовать и не страдать от любви, глядеть на все счастливым <...> взглядом и не напрягать ни мускулы, ни мысль без нужды...» ¹⁶ Во взаимных «попытках обращения» писателя и ненцев, думается, в равных долях смешаны и романтизм, и стратегия паритетности отношений, более равновесная, нежели постколониальный дискурс.

Полярная буря

В книге о Новой Земле К. Носилов включает в категорию «бедных жителей полярных стран» не только людей, но и животных, равным образом зависящих от перемен

⁷ Там же. С. 2.

⁸ Названия разделов, заключенные в кавычки, представляют собой цитаты из очерков К. Носилова «На Новой Земле», за исключением известной цитаты из А. П. Чехова («Люди, лвы, орлы и куропатки...»).

⁹ Там же. С. 223. В замкнутом пространстве густой запах самоедов путешественник отмечает, констатируя, а не критикуя: «По комнате <...> пошло испарение самоедского тела, которое отдает всеми запахами жиров, какие только водятся на этом полярном острове у рыбы, птицы и зверя». Ср. его посещение сарая обского рыбака, где «была такая вонь, такой отвратительный запах, что я тотчас же вышел оттуда вон, как только зашел и окинул все глазами, чтобы не задохнуться в этой атмосфере гнилой рыбы» (там же. С. 230).

¹⁰ Там же. С. 246. По мере движения энтузиазм сменяется трезвой оценкой традиционной одежды и обуви в их связи с

образом жизни кочевников: «Обувь, в которой раньше хотелось подпрыгнуть, теперь и холодна, и сыра, как мокрая тряпица. Она совсем не защищает ноги <...> но за всем тем эта обувь единственная удобная для такой ходьбы, потому что она <...> дает ощущение того, по чему идешь, чтобы научиться затрачивать как можно меньше труда на путь» (там же. С. 248).

¹¹ См.: Максимов С. В. Год на Севере. М., 2014.

¹² Носилов К. Д. Указ. соч. С. 96.

¹³ Там же. С. 142.

¹⁴ О ценности редких свидетельств влияний традиционных воззрений ненцев на христианское население тундры см.: Бородулина А. С. Рец. на: Борисов А. А. У самоедов. СПб., 1907. В стране холода и смерти. СПб., 1909. Репринтное издание под общей редакцией П. В. Боярского. М.: Паулсен, 2013. 330 с. // Сибирские исторические исследования. 2015. № 2. С. 88.

¹⁵ Носилов К. Д. Указ. соч. С. 128.

¹⁶ Там же. С. 111.

погоды: северянин «не смеет на час отлучиться из своей жалкой хижины, чтобы не посмотреть внимательно на небо, не присмотреться, что делает его собака, олень, куда летит птица, куда бежит зверь».¹⁷ Очерк «Полярная буря» по часам восстанавливает три дня февраля 1891 г. Действующими лицами становятся прежде всего вещи, обретающие подвижность: морозы «вытягивают гвозди» из крыш, анемометр сражается с «бешеным, невероятной силы ветром». Небо оживает «ужасным и прекрасным зрелищем» северного сияния,¹⁸ за небом просыпается море: «...В пролив стала вкатываться тихая, ровная, но крупная волна где-то далеко уже в море разыгравшегося волнения. Прибрежный лед заплакал жалобными звуками...».¹⁹ Динамика оживающей «неживой природы» нарастает: появляются «подозрительные облачка», курятся горы, вихри приносят со снегом песок, щебень и камни, картечью обдавая стены и крышу дома. Вещи в доме отзываются буре: звонят часы, дрожит печь, книги падают с полок, дрова «в невообразимой пляске» перелетают через забор. Все погружается в «общую кутерьму, общий вой, свист со всех сторон».²⁰ Вылазка до метеобудки едва не кончается трагедией: порыв ветра приподнимает Носилова над землей и отбрасывает к обрыву. Наконец в пролив «вваливаются с океана волны», морская вода затопляет долину, окружая зимовье застывающим ледяным тестом.

На третий день бури К. Носилов становится свидетелем грандиозного зрелища движения ледяных масс в пролив. Описание этого занимает три страницы и остается непревзойденным по разнообразию глаголов, описывающих действия льда.²¹ В то время как живое спрятано или убито бурей, неживое участвует в акте творения нового ландшафта — «светопредставлении», полном фантазмагорических образов и звуков: выстрелов, стонов, визгов.

«Темное время»

На Крайнем Севере человек оказывается перед лицом вызовов, требующих порой противоположных практик адаптационно-

го поведения. Если бури вынуждают затаиваться и пережидать, то время между ними погружено в тьму и дрему, постепенно меняющие сознание и тело, если не оказывать им сопротивления. В авторской интерпретации жанра «рождественских рассказов» К. Носилов последовательно фиксирует изменения, производимые полярной ночью: блекнут воспоминания о солнце, притупляются чувства (включая чувство самосохранения), приходит болезненная сонливость, слабеют гигиенические и интеллектуальные потребности (книги на полках, но «я давно их не могу уже читать»), меняется ощущение времени и др. Таким застаёт человека цинга. «Рождественская история» модифицирует жанровую схему святочного рассказа: герой спасен от смерти не божественным вмешательством, но неотложной нуждой мобилизовать силы для помощи тяжелораненому. «...Потребовалось сильное, страшное ощущение, чтобы воротить ко мне силы, ум, чувства, чтобы снова сделать живым, любящим, сильным человеком. И мне казалось, — не я спасал старика-самоеда, а он меня».²²

«Приятная смерть»

Рождественское чудо сменяется карнавальным настроением святочных вечеров. К. Носилов переходит от комического происшествия с домашним песком к погружению читателя в самую сердцевину полярной ночи, где с человеком играет цинга. Голоса рассказчиков придают многомерность восприятию и предоставляют читателю возможность «постоять на краю», поскольку фабулаты обычно занимательны для слушателя, но редко милосердны к своим героям.

В рассказе старика-кормщика мир полярной зимы оказывается весьма населенным: в пещерах груды человеческих костей, палуба севшего на мель корабля прогибается от чьих-то тяжелых шагов. Кульминацией ужаса становится история с приبلудной черной собакой,²³ следом за которой в избу через

¹⁷ Там же. С. 34.

¹⁸ Лента сияния плывет «сплошной огненной рекой, разбирающая от себя целые столбы, лучи, появлявшиеся словно полет ракет на темно-синем небосклоне, который уже весь пылал светом, как зарево громадного пожара» (там же. С. 37).

¹⁹ Там же. С. 42.

²⁰ Там же. С. 45.

²¹ Там же. С. 52–54.

²² Там же. С. 70.

²³ Появление приبلудной собаки как знака болезни или беды — нередкий мотив в мифологической прозе карел и поморов. У К. Носилова этот мотив подхватывает другой персонаж, утверждая чудское происхождение собаки: «...У них все собак видают черными. Только хорошо, что она от вас тогда убежала, непременно была бы у вас беда: или кто умер бы, или что-нибудь еще хуже случилось. У Нехватовой жили так тоже с погибшего судна поморы, сказывают, тоже такая черная собачка появилась, жила, ласковая была такая; только раз ушли они на польную бить зверя, она товарища у них и загрызла» (там же. С. 79).

сломанное окошечко тянется рука, «человеческая, и белая такая, видно, что не мужичья». К. Носилов блестяще воссоздает атмосферу рассказывания быличек, когда воспроизведение текстов, соединяющих достоверность личного опыта с фольклорными мотивами, оказывается возможным лишь в случае сочувственного внимания аудитории. Фома Вылка опознает эти знаки как явление цинги, ищущей доступа к человеку, чтобы обольстить и погубить его. Ему самому цинга являлась «голой бабой», и только благодаря ревнивому вниманию жены, да усилиям зимовщиков, «выправивших» его за шесть дней ношением якоря,²⁴ Вылка встал на ноги. Амбивалентность образа «гостыи-цинги» позволяет говорить о значимости не только физиологической, но и психической составляющей зимовок.

Солнцеклонники

Опыт полярной ночи делает К. Носилова восприимчивым к практикам, характерным для северных народов: их солнцеклонничество сопоставимо с пасхальной радостью. В день встречи солнца колония оживает и объединяется: солнце приветствуют общим ружейным залпом, и оно отвечает всем, его лучи «облили снег, храм, пушку, всю толпу, горы, ближайшую скалу, плавающие льды, кресты могил».²⁵ Солнечный свет, как божественное откровение, обнаруживает в лицах «что-то другое, новое или забытое старое, но не то, что я привык видеть при искусственном освещении»:²⁶ морщины, нежданную седину, запущенность и грязь. «Это было ужасно. Это можно <...> только сравнить с тем, когда вы вдруг видите человека после сидения в тюрьме или после тяжелой изнурительной болезни».²⁷ Тем не менее, встреча солнца кардинально меняет общее настроение: уходит страх смерти, все веселятся так, «словно действительно пролетело над островом самое счастье».²⁸ Заключительный образ очерка — старики-самоеды, принимающие солнечные ванны, лежа в малицах на сугробах, «словно подвергая тело и кровь свою химическим процессам»,²⁹ — за-

печатлевает опыт, имеющий и физиологическое, и религиозное основание.

«Но был он для меня так же необходим, как, видимо, и я ему»

Длительное малоподвижное пребывание в ограниченном коллективе меняет и характер взаимоотношений. К. Носилов описывает свой опыт общения с другом-самоедом: часто это безмолвное совместное пребывание, жизненно необходимое в условиях 10-месячной изоляции. Их «прогулки на мысок» открывают специфику рецептивности и субъектности «полярного текста» исследователя: медитативность («не столько живем умом, сколько глазами...»;³⁰ «сидим и чувствуем, что говорит сердцу ночь...»³¹) и зависимость от окружающих образов (мысль созерцателей пробуждается то льдиной с утками, то тюленем «в мечтательном состоянии»). Примечательно, что хозяин мыска — северный жаворонок — «нас прекрасно знал, как мы его, в лицо».³² Мотив узнавания человека и зверя/птицы роднит повествование К. Носилова с сюжетами охотничьих рассказов. Вообще, в прозе писателя не уникально, но искренно (и на сегодняшний день почти парадоксально) соединяются страсть к охоте как воплощенному азарту жизни и глубоко гуманистическое отношение ко всему живому. Знание «дикаря» притягательно для К. Носилова в силу его укорененности в опыте и связи с ценностными категориями — с манящим «секретом жизни», дарящим ощущение «полноты жизни и довольства ею».

«Люди, львы, орлы и куропатки...»

Все живое на Севере подчиняется общим световым ритмам. Как всем тяжела тьма, так и свет наступивших белых ночей специфически влияет на всех: «дикарь-самоед», помор, норвежец, «птица и бродячий зверь» — все живое в летнюю пору меняет день на ночь. Общие навыки выживания и общая судьба роднят всех, оказавшихся за полярным кругом. Книга очерков К. Носилова уникальна пристальным вниманием автора ко всем жителям Севера.

Ближайший круг зимовщиков составляют собаки: спят рядом, радуются поездкам, отлеживаются в бурю в снегу, ленятся в сытости,

раженного сияния снежной пустыни, когда глаза «ищут темного предмета, чтобы отдохнуть на нем, но всюду снег, всюду лучи солнца» (там же. С. 93).

³⁰ Там же. С. 108.

³¹ Там же. С. 111.

³² Там же.

²⁴ Подробнее о болезни Вылки и его лечении см.: Там же. С. 81, 82.

²⁵ Там же. С. 91.

²⁶ Там же. С. 92.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 93.

²⁹ Впрочем, испытания не заканчиваются: полярная весна приносит излишек солнечного света, воспаление глаз от от-

делят с хозяевами пищу³³ и голодают. Их кровь нередко спасает жизнь хозяевам, перед ними может быть неудобно и стыдно.

Полярная буря оповещает о своем приближении физиологическими явлениями, которые остро ощущаются собаками: они, «как заряженные аккумуляторы», беспокойно бродят, «сгорбишись, с поднявшейся на спине и шее шерстью, к которой нельзя было прикоснуться, чтобы не причинить им видимой боли, от которой они при малейшем прикосновении взвизгивали и даже кусались».³⁴ В те же часы, пишет К. Носилов, и людям больно прикасаться к волосам на голове, и им нервное напряжение не позволяет заснуть.

С другой стороны, финальные сцены «Полярной бури» посвящены катастрофическим последствиям стихии для морских обитателей: огромные массы льда заполнили залив, отрезав животных от открытого моря. Под давлением льда зверь совершал «отчаянные скачки», но лед «давил его в бешеном напоре <...> окрашивался на минуту кровью, кровавое пятно двигалось в пролив, потом смывалось водой и загромождалось новыми льдинами».³⁵ Закупорив пролив на всю его глубину, лед вошел в бухту, где «искали спасения тысячи морских зверей; там были нерпы, тюлени всех сортов, белые дельфины, рыба, птица <...> и все это металось теперь из стороны в сторону, голодное, словно в садке».³⁶ Эмпатия, воспитанная на истории деда Мазая (1870), оказывается несвойственной северянам. «Безжалостные самоеды» встречают карабкающихся на берег тюленей залпами ружей, звери бросаются назад и тонут сотнями, «облипаясь мокрым снегом»; другие гибнут, «прижатые к берегу, изуродованные, истертые льдом».³⁷

Традиция видеть в изображении массовой гибели животных метафору судьбы всего живого восходит в европейской литературе к поэмам Лукреция и Вергилия. Однако у К. Носилова рефлексия разворачивается не только в сторону «общей судьбы» всего живого, жалость к погибающим животным заставляет его изменить восприятие самоедов. На утро после бури только белые медведи и самоеды «унич-

тожали тех несчастных тюленей, которые каким-то еще образом спаслись во время напора льда»;³⁸ и «косцы»-самоеды с палками вместо ружей, оставляющие за собой сотни трупов, не вызывают авторского сочувствия.³⁹ Это важный поворот для этнографа: чувство отторжения вызвано не стереотипической ситуацией, как например, поедание сырого или «нечистого». В очерке «У Карского моря» сцена «распластывания оленя» и пиршества самоедов — обычная этнографическая зарисовка,⁴⁰ где автор жалеет лишь об отсутствии фотоаппарата. Досада К. Носилова здесь на леность сытых приятелей — это досада исследователя, а не человеческое разочарование, ведь привычка самоедов засыпать сытыми и охотиться голодными для писателя есть состояние «природного блаженства». И напротив, упомянутое выше возвращение «счастливых по-своему» самоедов-промышленников с «безжалостной бойни» «в крови с ног до головы, пахнувших кровью, забрызганных мозгом тюленей», вызывает вопросы без ответов: о целесообразности этого массового убийства животных там, где нельзя даже потратить вырученные деньги (ведь большую часть года деньги здесь «годны только для поглядки»);⁴¹ о милосердии северной природы к живому.

«Имени у ней нет...»

На том же занесенном снегом «поле боя» К. Носилов пережил одно из глубочайших новоземельских впечатлений. Этот эпизод открывает ему путь трансформации экстремальных переживаний в иное видение мира — речь идет о встрече писателя с двумя нерпами. На одну из них, замерзшую, скорченную, «с ободранной в кровь грудью, с обледелыми катрами», он случайно наступил, не заметив под выпавшим снегом; другую, также израненную, нагнал через несколько шагов. Человек и зверь всматриваются друг в друга; нерпа плачет, ожидая помощи; человек видит ее обреченность и фиксирует миг, когда «она перестала плакать и покорилась своей участи». Мучимый стыдом и жалостью, К. Носилов бежит прочь, провожаемый «тяжелым, просящим, слезливым взглядом больших черных глаз,

³³ У добытого оленя последние в очереди — дети и собаки, все в крови: «даже собаки и те вымазались ею, отнимая куски мяса прямо изо рта у маленьких ребят и потом облизывая им же физиономии за уступку» (там же. С. 130, 131)

³⁴ Там же. С. 38.

³⁵ Там же. С. 55.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 55, 56.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. С. 58.

⁴⁰ См.: Там же. С. 130, 131. Ср. книга К. Носилова «У вогулов» (1904) в аналогичных сценах поедания жертвенного оленя содержит гораздо больше следов переступаний внутренних авторских границ.

⁴¹ Там же. С. 59.

которые так ясно выражают чисто-человеческие страдания и мольбу». ⁴² Эта встреча, заключая описание бури, переводит мироощущение исследователя на новый уровень эмпатии.

Вообще художественный мир К. Носилова — по преимуществу патриархатный, где собственная авторская установка лишь в редких случаях конфликтует с мировоззрением «северных жителей», воспринимающих женщину в качестве хозяйственного атрибута, лишённого подлинной субъектности. К. Носилов описывает тоску «по людям» первопоселенца Фомы Вылки, не упоминая, что его одиночество разделяют жена и дети; отмечает «трогательную заботу» со стороны проводников-самоедов, но не сообщает, выжили ли жена и младенец одного из них, замерзшие до бесчувствия, ⁴³ и др. С другой стороны, очерки содержат запоминающиеся женские образы, среди которых одно из первых мест принадлежит «веселой бабушке» — «душе зимовки в 1889 г.», жене Максима Пырерки. Ее образ сочетает черты реалистического портрета и характеристики существа границы миров, трикстера (одноглазость, старость, шесть замужеств, кукла-идол, способность «передразнивать» и «ясновидение»). ⁴⁴ «Женское» в носиловской прозе менее однородно, чем «мужское»; там, где оно удостоивается авторского внимания, оно нередко связано с необычным, странным и др.

В рассказе «У Карского моря» раскрываются два пронзительных женских образа: «девки Соломдеи» и жены Дмитрия Табаря. Женщины-самоедки безымянны («Имя для женщины считается у самоедов излишнею роскошью» ⁴⁵) — имя сироты Соломдеи вспо-

минают лишь в силу исключительности ее судьбы: она становится жертвой «Ефремову идолу» (рассказ об этом носит явные черты мемората, не позволяя отнести его к «страшным выдумкам»). ⁴⁶

Горячим сочувствием проникнуто прощание К. Носилова с вдовой Фомы Вылки («История одного самоеда»), похоронившей сына и мужа; их общение бессловесно: самоедка отвечает автору жестами и рыданиями, угадывая его затаенные мысли. В описании старушки у родных могил все основные признаки заданы воспоминанием писателя о встрече с плачущей нерпой: израненную нерпу и горюющую женщину оказывается невозможным растожествовать в памяти. При этом автор не антропоморфизирует нерпу и не использует зооморфных метафор для человека, но эмпатия, родившаяся по отношению к животному, переносится на женщину.

То, что подобный ход мысли вполне освоен автором, подтверждает рассказ «На барке рыбака», где вновь центральному женскому образу сопутствуют образы животных (кота и зайцев). Женщина-кухарка рассказывает о зимовке с двумя работниками на барке, однако красноречивее всего о «пытках зимы» свидетельствует облик ее кота — облезлого, с обмороженными ушами, с шерстью, подпаленной на раскаленной железной печи, куда он залезал в страшные холода. И все же жизнь кота, в котором автор первоначально не смог узнать «любимое животное наших хозяек», ⁴⁷ не труднее жизни кухарки, вынужденной бороться с морозом и ветром, с воровством и грубостью рабочих, с осени не гасящей печки и не снимающей шубы. В свою очередь, двое зимовщиков противопоставлены третьему, «оставившему легенду о своем здесь пребывании на рыбалке», отличавшемуся силой и жестокостью (пойманных в капканы зайцев он обдирал живьем, угрожая тем же своим товарищам). Случайная гибель его стала извращением от страха для остальных.

Таким образом, в северных очерках К. Носилова образы животных, не теряя конкретности и не обретая аллегоричности, становятся художественным воплощением драматизма судьбы всего живого, его крайней уязвимости,

⁴² Там же. С. 58.

⁴³ См.: Там же. С. 16.

⁴⁴ «Доверчивость» Носилова-этнографа вызвала в свое время критический отзыв исследователя И. Я. Словова. См.: Словова И. Я. Чудеса на Новой Земле, или Таинственное у самоедов // Лукич. 1998. Октябрь. Ч. 3. С. 19–22. Тем не менее К. Носилов включает свидетельство о ясновидении «веселой бабушки» в итоговый сборник, обозначая этим свою принципиальную позицию. Эта полемика, вызванная конфликтом позитивистских принципов (Словова) и мифо-поэтического восприятия мира (Носилов и ненцы), заслуживает отдельного рассмотрения, однако со сменой научной парадигмы методы К. Носилова, основанные на доверии информантам, фиксации их интерпретаций, включенном наблюдении могут быть оценены как вполне актуальные. Заметим, что именно этот очерк К. Носилова был сразу перепечатан французским изданием: Nosiloff K. A samoyed seeress by K. Nosiloff (Concluded from p. 145; translated from Novoe Vremya by C. 7) // Lucifer. 1895. Vol. 16. № 93. May 15. P. 235–237.

⁴⁵ Носилов К. Д. Указ. соч. С. 162.

⁴⁶ Позже А. Борисову удалось зафиксировать свидетельства сохранившейся практики человеческих жертвоприношений у ненцев и записать их собственные интерпретации этого. См.: Бородулина А. С. Указ. соч. С. 86.

⁴⁷ Носилов К. Д. Указ. соч. С. 162.

что несколько затенено активностью мужских персонажей, но абсолютно ясно читается в анималистических и женских образах книги.

*Заключение. Транспонирование
экстремального опыта*

Итак, опыт трехлетних зимовок на Новой Земле с исследовательскими целями способствовал изменению мировосприятия К. Носилова, расширив его «гуманитарный горизонт». Далеко не всегда переживание экстремального арктического опыта приводило путешественников к подобным результатам.⁴⁸ В случае К. Носилова, если недостаток научных публикаций о его пребывании на Новой Земле еще ждет своего объяснения, то в отношении дискурсивной подвижки в языке описания «бедных жителей полярных стран» происходит заметная авторская работа, выходящая за пределы узкоэтнографической сферы. Писатель становится автором, способным транслировать пережитый на Крайнем Севере опыт через тексты «от третьего лица». Таков его масштабный биографический очерк «История одного самоеда», посвященный старосте новоземельской колонии Фоме Вылке. Особенностью повествования становится регулярная искренняя авторская эмпатия. Все собранное Носиловым-путешественником в «писательскую копилку» находит здесь отклик: пугающе близкие встречи с морскими жителями (погоня моржей за карбасом по пути на Вайгач), радости жизни охотника и рыбака,⁴⁹ первое впечатление от «мертвых» полярных земель: «Фома был поражен, что здесь нет земли, а всюду один камень, снег и только кое-где виднелись признаки жалкой растительности, перед которой их тундра кажется тропическим миром»⁵⁰ и др. История последней поездки семьи Вылки на Карское побережье включает в себя, помимо человеческой трагедии, редкие по драматизму страницы взаимоотношений людей и собак,⁵¹

⁴⁸ Обратный пример — поведение «героя полярной одиссеи» Джона Росса во время поисков пропавшей экспедиции Джона Франклина, нацеленное не на выживание экипажа, но на сохранение границ британской кастровости. См.: Битти О., Гейгер Д. Загадка пропавшей экспедиции. М., 2015. С. 30, 31.

⁴⁹ Отнюдь не с отвращением даны строки о традиционной пище самоедов — сырой рыбе: «...Положат ее на весло, поскребут ножом, потычут ей на хвост, чтобы кровь выступила, и режут ее маленькими ленточками вдоль ребрышек живую, и едят, и как это вкусно!» (Носилов К. Д. Указ. соч. С. 159).

⁵⁰ Там же. С. 171.

⁵¹ Голодных собак стыдятся и опасаются. Собаки предчувствуют будущее, они удерживаются от каннибализма, легали-

прочувствовать которые вне личного опыта, думается, невозможно.

Авторская речь во многих случаях интериоризирует слово героя, органически усваивает его формулировки: «Самоеды не боятся ничего на свете: вытолкни его в море, они и его переплывут». Когда-то герой помог автору понять и полюбить Север («...Слушая его, я видел перед собой человека, действительно любившего эту страну. При всей ее негостеприимности, при всей суровости, он первый подметил ее лучшие стороны...»)⁵² теперь автор «возвращает долг», рассказывая его историю людям. Рамка «свой–чужие» постоянно мерцает в этом очерке: эмпатия не покидает автора в комических эпизодах столкновений культур (поездка супругов-ненцев в Архангельск).

Сопряжение точек зрения: «обобщенно-русской», персонально-авторской, позиции персонажа и иного этноса — достаточно сложно и заслуживает отдельного исследования. Однако можно с уверенностью заявить, что интонационно текст К. Носилова богаче многих современных ему этнографических очерков.⁵³ Близок к нему очерк П. Инфантьева «Полярный Робинзон» (1911), описывающий исключительный опыт выживания эскимоса Коовокно. Если рассказ К. Носилова о Вылке построен как узнавание «своего» в «чужом», как приращение к «своему» иного опыта, то задача П. Инфантьева — правдоподобно и живо рассказать об образе жизни эскимосов. Герой, которому риторически приписываются чувства отчаяния, грусти, надежды и др., остается эмоционально далек и от автора, и от читателей, а трансляция его опыта за редким исключением не покидает

званного хозяином. На трупах нескольких из них, замерзших во время сна, разводят самоеды свой последний костер. Не расставаясь с издохшей собачкой-любимицей в изголье, остается в снежном укрытии-могиле жена Вылки.

⁵² Там же. С. 194.

⁵³ Показательно описание моржового промысла разными этнографами. У С. Максимова опьянение охотой, «горение крови» промысловиков передано через слово поморов, без авторского эмоционального включения. У К. Носилова в сцене массового убийства моржей явственно его собственное отношение: «как ребенок, стонут и плачут молодые моржата, плавающая под самым берегом, где лежат их убитые матери», «с глазами, полными слез, смотрят на приближающегося человека, но безжалостная рука самоеда прикалывает их» (там же. С. 167). Авторская оценочность то стихает, то вновь выходит на поверхность текста: вот дочка Вылки в карбасе, среди распластанного сала и белых клыков, «играет головами моржей, вместо кукол» (там же). Дистанция по отношению к герою возрастает, когда Фома «перебил сотни моржей, тысячи тюленей, переловил капканами сотни песцов, осмотрел десятки островов, собирая там гагачий пух», но остался бедняком, пропивая все вырванное охотой (там же).

поле «чужого»:⁵⁴ будь то изготовление одежды из шкур с помощью костяной иглы, поедание сырого мяса, постройка жилья из снега или др. Очерк П. Инфантьева, плодовитого литератора и просветителя, показывает, что спустя десятилетие после книги К. Носилова наиболее популярной оставалась объективирующая и отстраняющая авторская позиция. Что касается К. Носилова, то далее в собственном твор-

честве он развивает обретенную во многом на Новой Земле способность озвучивать чужой эмоциональный опыт. Именно в такой технике написана им «История одной полярной зимовки» (1913), где прочтен и заново рассказан, с комментариями и эмпатией, дневник промыслового сезона трех поморов, отправившихся на Новую Землю в надежде на «призрачное счастье» и нашедших там свою смерть.

Natalia B. Gramatchikova

Candidate of Philological Science, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail.ru: n.gramatchikova@gmail.com

K. NOSILOV'S "ON NOVAYA ZEMLYA": A SELF-DESCRIPTION OF EXTREME EXPERIENCE

The cycle of essays by K. Nosilov "On Novaya Zemlya" (1903) is written under the impressions of three winterings on the archipelago, as well as from travels along the Lower Ob, reflected 10, 15 and 20 years later. Nosilov notes the changes in the perception of himself and his environment under the influence of various extreme factors: storms, frost, hunger, scurvy, polar night, isolation, etc. The article analyzes how the author's polar experience affects his understanding the "inhabitants of the polar countries": people and animals. All living creations in the North, according to Nosilov, develop similar mechanisms of adaptation and have no guarantees for preserving life. An important "side effect" of his survival experience is the author's listening in the history of the nameless female characters. Although during the wintering period Nosilov carried out scientific experiments and conducted diary entries, the most significant literary result of the experience on Novaya Zemlya is his ability to verbalize other people's experience. Such is the well-known biographical essay "History of Samoyed" and his story "History of One Polar Wintering" (1913), where Nosilov plays the role of a co-author, emotionally and informationally supplementing of the diary entries of a commercial artel member. The specificity of Nosilov's texts is considered against the background of ethnographic sketches of that time (S. Maximov "One Year in the North", P. Infantiev "Polar Robinson", etc.).

Keywords: *Novaya Zemlya, Nenets, Samoyeds, scurvy, wintering, survival, postcolonialism, ethnographic essay*

REFERENCES

- Bitti O., Geyger D. *Zagadka propavshey ekspeditsii* [The mystery of the missing expedition]. Moscow: Paulsen Publ., 2015, 232 p. (in Russ.).
- Borodulina A. S. [Borisov A. A. Among the Samoyed. SPb., 1907. In the land of cold and death. SPb., 1909. Reprinted edition edited by P. V. Boyarskiy. M.: PAULSEN, 2013. 330 p.]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* [Siberian Historical Research], 2015, no. 2, pp 84–89. (in Russ.).
- Gramatchikova N. B. [Resilience and Adaptability as Narrative Motifs: From Ethnography to Family History]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3. Obshchestvennye nauki* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 3. Social Sciences], 2016, no. 3 (155), vol. 11, pp. 86–99. (in Russ.).
- Okhapkin Yu. N. *Zauralskiy strannik. Materialy k biografii K. D. Nosilova* [Trans-Ural wanderer. Materials for the biography of K. D. Nosilov]. Ekaterinburg: BKI Publ., 2012, 220 p. (in Russ.).
- Vize V. Yu. *Morya Rossiyskoy Arktiki. Ocherki po istorii issledovaniya* [Seas of the Russian Arctic. Essays on the history of exploration]. Moscow: Paulsen Publ., 2008, vol. 1, 242 p. (in Russ.).

⁵⁴ Показательны авторские ремарки: при обнаружении пещеры с древними рисунками. Коовокно способен оценить их исключительно утилитарно: «Но эскимосу не было никакого дела до первобытного человека...» (Инфантьев. П. П. Полярный Робинзон. Рассказ из жизни эскимосов. СПб., 1911. С. 33). При описании опасностей отстраненный тон не меняется: «...Случалось, что он проваливался в занесенные снегом трещины между льдами и, весь промокший, с трудом вылезал из них. Одежда на нем обледеневала и превращалась в твердую кору. Приходилось делать остановку, разбивать палятку, греться и обсушиваться среди собак» (там же. С. 43).